

Глава 1

До Нового года оставалось около десяти часов. А снег за весь декабрь так ни разу и не выпал: сплошные дожди, морозный ветер и бесконечная грязь. Никакого праздничного настроения; даже запах сдобы в кофейне и пышно украшенная елочка в центре зала не добавляли атмосфере плюсиков. Видимо, в этом году из чудес будет только одно — свидание с Егором Власовым. Правда, быть ему только завтра, но я уже в предвкушении.

— Власов, конечно, дает, — усмехнулась Тоня Миронова, моя одногруппница.

— Ох, девочки, — мечтательно выдохнула я, расплываясь в улыбке. — А как он меня приглашал, это надо было видеть. С таким серьезным лицом, будто не на свидание зовет, а на встречу акционеров.

— Власов просто зазвездился, — хмыкнула Олечка Тихонова. Оля с Тоней между собой не очень ладили, и дело не в разных темпераментах, просто еще в сентябре обе влюбились в одного парня и отступить не смогли. Правда, парень по итогу выбрал вообще третью сторону, но девчонки все равно друг на друга точили зуб, и при удобном случае каждая так и норовила уколоть другую.

Что касается Егора... Тихонова кривила от него нос, мол, высокомерный, важничает, положением своим кичится. Думает, если родители при деньгах, дорога в любую точку мира открыта. Ну и внешне Оле Власов казался слащавым, одним словом, мою давнюю симпатию к нему подруга не понимала, а симпатизировала ему я еще со школьной скамьи.

Зато Тоня поддерживала всячески: ситуации разные подстраивала, стимулировала, даже помогла мне у родителей на дискотеку отпроситься позавчера, хотя отец вообще наотрез отказывался. Он у меня строгих нравов, несмотря на свою доброту и милую улыбочку.

Собственно, я и сама выросла немного повернутой на этих самых нравах родителей: ложиться спать не позже двенадцати, носить только идеально выглаженные вещи, в клубы не ходить, броско не краситься, получать высокие отметки и выделяться среди остальных. Кто-то даже за спиной называл меня Снежной королевой, искажая фамилию Королёва. И нет, делали это не из большой любви, скорее, из вредности.

В списке достижений проваливался лишь один пункт — Егор Власов, по которому я тайно вздыхала уже второй год. Поговаривали, что ему нравились девчонки попроще, более податливые, которые сами на коленки прыгают и предлагают любовь до гроба. Ну, опять же, полная противоположность меня. Однако я всегда замечала, как Власов поглядывает, его эти полуулыбочки и игривые фразочки, невольные брошенные в мой адрес.

Мы точно нравились друг другу, оставалось лишь сделать финальный шаг и стать самой красивой парой на потоке. Эта мысль особенно подогрела сердечко.

— Так значит, вы идете завтра в кино? — уточнила Тоня, заправляя за ушко золотистую прядь.

— Ага, на мультик про Царевичей.

— Ну, это как-то по-детски идти на мультик. Ты собираешься поцеловаться с парнем своей мечты в окружении детского сада? — усмехнулась Оля.

— А что, обязательно целоваться с ним в кино? — выгнула удивленно бровь я, помешивая трубочкой в своем молочном коктейле. А уж про то, что это будет мой первый поцелуй, пожалуй, вообще можно опустить.

— Темнота — друг молодежи, — улыбнулась Тоня, играя плечами. Вот уж у кого опыта хоть отбавляй, так это у Мироновой. Парней подруга меняла как перчатки, и не только среди нашего универа.

— Ой, мама звонит, — пискнула я, замечая подсветку на экране мобильного. — Блин, мне домой уже пора. Надо еще помочь с салатами. До завтра, все потом расскажу!

Мы быстренько попрощались, и я помчалась к себе, кутаясь в осеннее пальто. Лучше бы надела пуховик, погодка стояла довольно морозная, еще и жижка под ногами словно кричала: «Никакого тебе снега, девочка».

Зато дома у нас вовсю играли новогодние песенки, витал запах мандаринов и домашнего вина, которое мама делала по рецепту бабушки еще осенью. Сашка, мой пятнадцатилетний братец, на кухне чистил картошку, а отец суетился в коридоре перед отъездом в аэропорт. Он должен был забрать оттуда дядю и бабулю.

Домашние встретили меня воодушевленно, мама сразу передала часть салатов и перешла к мясу. В этом году застолье планировалось на широкую ногу, мы даже купили две больших форели: одну замариновали, другую запекали.

Я улыбнулась, разглядывая предновогоднюю суматоху: мне всегда нравился этот праздник. Семья

собиралась за одним столом, напоминая о главном — мы есть друг у друга, нужно это ценить и никогда не забывать.

— Кстати, ма, — Сашка отложил нож, выпрямляясь. Он провел пятерней по коротким каштановым волосам, затем откашлялся и продолжил закидывать удочку. — Ты говорила, если я буду хорошо себя вести, то смогу пойти к Сереге. Все в силе?

— К Сереге? — спросила я, прищурившись.

— К Сереге, — прорычал Саня, стрельнув в меня косым взглядом.

— Милый, ну это же семейный праздник, — помялась мать. Она привыкла, что мы вместе под бой курантов, плюс брат нагло врал. Я слышала недавно его разговор, и вечеринка, на которую он собирался, явно не предвещала ничего хорошего.

— Ма, Серега один дома будет, — жалобно завыл Саша, поджав губы. И посмотрел главное так, словно котяра из «Шрека». Оскара ему срочно.

— Один? — вновь влезла я. Больше всего ненавижу дела, когда кто-то врет, особенно близким.

— Один, — процедил сквозь зубы Саня, меняясь в лице. Между нами летали искры.

— Так может, он к нам придет? — предложил папа, появившись на пороге кухни и застегивая ремень на брюках.

— Ага, на бабушку с дядь Женей смотреть? — усмехнулся брат, закатив глаза. — Да ладно, вас и так много будет, а Серега один. Ну, мамуль!

— А это не у того ли Сереги вечеринка намечается, которому ты обещал притащить дартс из гаража? — не удержалась я. Глаза Сашки вспыхнули огнем, нижняя губа дернулась. Видимо, я попала в десяточку.

— Какая вечеринка? С выпивкой и сигаретами? — отец тоже изменился в лице. Он подобное на дух не переносил, все казалось, компания может

плохо повлиять или, не дай бог, втянуть в грязные делишки сына. За меня родители особо не переживали, я-то сама по себе правильная до космоса, а вот Сашка был в том возрасте, когда «глаз да глаз». Ну и друзья его доверия не внушали никому из членов семьи, даже мне.

— Па, да никакой вечеринки не будет, — замялся брат, подскочив со стула.

— Нет, останешься дома! — категорично отрезал отец.

— Па, ну вы же обе...

— Я сказал, дома будешь со всеми. Не хватало мне еще потом тебя из «обезьянников» вытаскивать.

Сашка кинул ножик на стол, переступил через пакет, в который скидывал очистки от картошки, и стремительно направился вон из кухни. Я видела, как его перекосило и как сжались кулаки брата. Может это и неправильно, что я сдала Саню, но отец прав, уж лучше дома под присмотром, чем сидеть, сжимая пульс на руке от переживаний. Потом еще спасибо скажет.

Однако брат, вместо «спасибо», сказал другое. Он остановился рядом со мной, наклонился и шепнул стальным тоном:

— Тебе хана, правильная мисс ведьма!

Ох, если бы я знала, чем обернется наспех брошенная угроза, ни за что бы не вмешалась в этот разговор.

С Сашкой в итоге мы словом не обмолвились до самых посиделок, он демонстративно торчал у себя в комнате, всем видом выказывая обиду. Мама, конечно, пыталась к нему подступиться, да только бесполезно. Этот дурачок вбил в голову, что все вокруг плохие, не дают ему гулять с друзьями, быть взрослым.

Слова его, на тему: «Я тебе еще покажу и бла-бла-бла», я восприняла никак, просто откинула их на задний план, не заостряя внимания. Однако Сашка, видимо, у себя в комнате вынашивал план мести, потому что сработало все превосходно, словно по сценарию. Как, спросите вы? Рассказываю.

Сперва мы встретили бабулю с дядей, обменялись любезностями, дружелюбными репликами, а через полтора часа уже сидели за столом. Саню тоже заставили выйти, как бы он там ни отбивался. Ну и запах еды, видимо, сделал свое, потому что брат налетел голодным волком на мясо с соленьями. А когда наелся, началось:

— Кстати, а вы в курсе, что Полинкина подружка курит? — выдал этот змееныш. Я едва не подавилась помидором, который пыталась прожевать.

— Какая подружка? — удивилась мама. Бабушка даже вилку отложила, уставившись на меня через призму своих очков. У нас в семье все чертовски правильные, ну, кроме маленького бесенка, что крутил ложку в руках.

— И мне интересно, какая подружка, — пытливо прищурившись, уставилась на брата.

— Какая-какая? Тонька. Сколько раз она домой не приходила ночевать?

— Тонечка курит? — теперь уже и мама отложила приборы.

На самом деле, Миронова курила тайно. И не дай бог, ее родители бы узнали, посадили бы под домашний арест на все январские каникулы, а то и на всю жизнь. Отец у Тоньки был строгий, человек он военных нравов: утром качал гантели, не пил, не курил, ел только полезные, в его понимании, блюда и дочку старался держать в узде.

Тоня же была полная противоположность папочки: в ней жила бунтарка, готовая кинуть вызов любым запретам, скорее из вредности, конечно,

чем от чистосердечного желания. Говорят же, чем больше запрещаем, тем сильнее тянет. Подруга моя была ярким примером этому правилу. Собственно, я и сама-то узнала про сигареты пару месяцев назад.

Случайно подловила ее на заднем дворе здания перфака возле курилок, где обычно собирались мальчишки. Думала, Тоня ищет себе очередную жертву для свидания, а она всю дымилась. Мы с ней немного поспорили, на этот счет мнения у нас конкретно расходились. Однако я дала обещание — держать язык за зубами. Непонятно только, откуда мой братец об этом пронюхал?..

— Ну... — помялась, врать не хотелось, пусть я и не одобряла выбор подруги.

— Полина, — нахмурилась мама. Губы ее поджались, глаза сделались радарными, вот и как под таким напором сохранять молчание?..

— Погодите, — заявил Сашка, приподнял майку и, надо же, вытащил мой драгоценный дневник. А с каким удовольствием он его открыл, начал перелистывать страницы, надо было видеть.

Дневник я вела класса с шестого, нравилось мне делиться самым сокровенным с бумагой. Казалось, так можно посмотреть под другой призмой на свои подростковые проблемы, переживания. Да и прятала я его старательно — под матрацем. И надо же было этому негоднику найти мое сокровище!

Горло обожгло от обиды и злости на брата, легкие обдало кислотой. Я сжала руки в кулачки, впившись ногтями в кожу, резко вскочила со своего места и почти выхватила заветную вещь, как Санька увел руку в сторону.

— Да сейчас, ага! — с самодовольной усмешкой выдал маленький засранец.

— Тебе не жить, понял! — крикнула в сердцах. Пусть мы и не были лучшими друзьями, но лезть

в душу человеку, в ту обитель, куда он никого не пускает — низко.

— Дети, дети, — вмешалась бабушка, понимая уровень накала страстей за столом. Саша тоже поднялся, он был выше меня ростом, несмотря на свои пятнадцать. Пошел в отца, а я в маму, хотя лучше бы наоборот, сейчас бы братец уже летел с лестницы.

— Отдай! — протянув ладонь, потребовала.

— Еще не время. Так-так... — Сашка раскрыл дневник на последней странице, где я изливалась чувствами к Егору, заставляя волоски на всем теле встать дыбом. Вы бы сказали, ну не дурак же он читать такое вслух перед родителями. А я говорю, мой братец тот еще, он и не на такие пакости способен из мести.

— Только посмей, — прорычала сквозь зубы, двигаясь в сторону Сани. Он, конечно, попятился, а потом и вовсе помчался в другую комнату, логичное дело, я помчалась следом.

— Полина, Александр, — звучал строгий голос отца с кухни. Однако мы уже никого не слушали и не слышали. Я схватила подушку с дивана, кинув ее, в качестве боевого снаряда, в сторону пакостника. Тот увернулся, шмыгнул на кресло, затем спрыгнул. Господи, зачатки Тарзана что ли проявились?..

— Егорка, значит, — угорал Саша, забегая в мою комнату.

— Паразит! Не смей! — в ход пошло все, даже игрушки, которых было прилично. Сперва большая пушистая панда, затем медведь, маленькая свинка, ну а потом я уцепилась за майку брата, начала тянуть ее, а он с самодовольной моськой крутил дневник перед моим носом.

Выкрутившись, Сашка метнулся к окну, дернув ручку, раскрыл его, впуская морозный декабрьский

воздух. Где-то вдали раздался звук салюта, слышались детские голоса, еще бы: до боя курантов оставалось чуть меньше часа.

— Я тебя сейчас... — повысила голос, налетев вихрем на брата. Он высунул руку в окно, ветер подцепил страницы дневника, шустро перелистывая их.

— Шаг назад, Эн, — сократил издевательски мое имя в собственной манере Саня. Ну а я и не думала отступать, на кону стояли все секреты, целая жизнь, которая могла оборваться от одного нелепого движения.

Обвив руки вокруг талии брата и оперевшись об него, как об опору, я привстала на носочки, стараясь ухватиться за кончик дневника. Вот же высокий, гад! Неужели боженька не мог дать мне немного роста, быть коротышкой то еще удовольствие, скажу я вам.

В таких случаях приходится полагаться не только на силу, в ход идет смекалка, в моем случае банальная — удар в коленку, щекотки, да и ущипнуть не грех будет. И вот заветная цель уже ближе, чем кажется. Глаза у меня раскрылись, губ коснулась победная улыбка, как дневник выскользнул из рук братца, полетев камнем вниз — на землю с третьего этажа.

Мы оба замерли, переглянулись. Сашка хмыкнул, а я, оттолкнув его, высунулась в окно, стараясь рассмотреть, куда упало мое сокровище.

— Эй! — раздался вдруг голос с легкой хрипотцой. Я сглотнула, разглядывая мужскую макушку. Кажется, дневник упал кому-то голову, а затем скатился к ногам.

Блин!

Сверху было не очень понятно, кто там стоит на балконе. Однако, когда парень вскинул голову, в груди у меня все оборвалось. Ну, знаете, так бывает, когда видите большую злую собаку, что вот-вот

кинется на вас, или маньяка с бензопилой, о котором вещают в страшных фильмах. В таких случаях тело немеет, а мое еще и покрылось коркой льда.

Поджав губы, я быстро отошла от окна, резко сев на корточки.

— Ты чего? — спросил брат.

— Блин! Блин! Блин! — завывала, ухватившись за волосы. Это просто невозможно! Так не бывает! Ну как, ну как, черт возьми, сам дьявол во плоти оказался под моим окном?

— Ты что, приведение увидела? — засмеялся брат, пытаясь разгадать, что со мной происходит.

— Хуже! — шикнула я, боясь, что голос звучит слишком громко и кое-кто снизу его услышит. — Из-за тебя мой дневник упал на голову... — я вздохнула, качаясь от безысходности. — На голову Ледовскому.

— И что? — не понял Сашка, выгибая бровь.

— В смысле «что»? Ты знаешь, какие о нем ходят слухи? Вот иди сам и возвращай мой дневник!

— Еще чего, — глумливо выдал он, явно радуясь своему подвигу.

— Но...

— Твой дневник, ты и разбирайся, — кинул брат, выходя из моей комнаты.

